

С. Т. АКСАКОВ

**ЗАПИСКИ
ОБ УЖЕНЫЕ
РЫБЫ**

УДК 63
ББК 47
А41

А41 **Аксаков, С. Т.**
Записки об уженье рыбы / С. Т. Аксаков. – М.: T8RUGRAM. – 316 с.

ISBN 978-5-519-62429-9

«Записки об уженье рыбы» — это одно из первых произведений русского писателя С. Т. Аксакова, в котором поэтическое описание родной природы, непосредственность и выразительность разговорной речи сочетается с фактической достоверностью изложения, стремлением к точности описания, а также с удивительным умением воссоздавать живой мир рыб, изображать их повадки, нравы. «Я написал записки об уженье рыбы для освежения моих воспоминаний, для собственного удовольствия. Печатаю их для рыбаков по склонности, для охотников, для которых слова: удочка и уженье — слова магические, сильно действующие на душу. Я считаю, что мои записки могут быть для них приятны и даже несколько полезны: в первом случае потому, что всякое сочувствие к нашим склонностям, всякий особый взгляд, особая сторона наслаждений, иногда уяснение какого-то...

УДК 63
ББК 47
BIC WSX
BISAC SP0014000

ISBN 978-5-519-62429-9

© T8RUGRAM, 2017

ВСТУПЛЕНИЕ.

Я написал записки объ уженъѣ рыбы для освѣженія моихъ воспоминаній, для собственнаго удовольствія. Печатаю ихъ для рыбаковъ по склонности, для охотниковъ, для которыхъ слова: «удочка и уженъе» слова магическія, сильно дѣйствующія на душу. Я считаю, что мои записки могутъ быть для нихъ пріятны и даже нѣсколько полезны: въ первомъ случаѣ потому, что всякое сочувствіе къ нашимъ склонностямъ, всякій особый взглядъ, особая сторона наслажденій, иногда уясненіе какого-то темнаго чувства, не вполнѣ прежде сознанныго, — могутъ и должны быть пріятны; во второмъ случаѣ потому, что всякая опытность и наблюденіе человѣка, страстно къ чему-нибудь привязаннаго, могутъ быть полезны для людей, раздѣляющихъ его любовь къ тому же предмету. — Уженъе, какъ и другія охоты, бываетъ и простою склонностью и даже сильною страстью: здѣсь не мѣсто и бесполезно разсуждать объ этомъ. Русская пословица говоритъ глубоко и вѣрно, что *охота пуще неволѣ*. Но едва ли на какую-нибудь человѣческую охоту такъ много и съ такимъ презрѣніемъ нападаютъ, какъ на тихое, невинное уженъе. Одинъ называетъ его охотою празднолюбцевъ и лѣнтяевъ; другой — забавою стариковъ и дѣтей; третій — занятіемъ слабоумныхъ. Самый снисходительный изъ судей пожимаетъ плечами и съ сожалѣніемъ говоритъ: «я понимаю охоту съ ружьемъ, съ борзыми собаками — тамъ много движенія, ловкости, тамъ есть какая-то жизнь, что-то дѣятельное, даже воинственное. О страсти къ картамъ я уже не говорю; но удить рыбу, признаюсь, этой страсти я не понимаю...» Улыбка договариваетъ, это это просто глупо. Такъ говорятъ не только люди, которые, по

несчастію, родились и выросли безвыѣздно въ городѣ, подъ вліяніемъ искусственныхъ понятій и направленій никогда не жилали въ деревнѣ, никогда не слыхивали о простыхъ склонностяхъ сельскихъ жителей и почти не имѣютъ никакого понятія объ охотахъ; нѣтъ, такъ говорятъ сами охотники — только до другихъ родовъ охоты. Последнихъ я рѣшительно не понимаю. Всѣ охоты: съ ружьемъ, съ собаками, ястребами, соколами, съ тенетами за звѣрьми, съ неводами, сѣтями и удочкой за рыбою—всѣ имѣютъ одно основаніе. Всѣ разнообразные охотники должны понимать другъ друга: ибо охота, сближая ихъ съ природою, должна сближать между собою.

Чувство природы врожденно намъ, отъ грубаго дикаря до самага образованнаго человѣка. Противоестественное воспитаніе, насильственные понятія, ложное направленіе, ложная жизнь—все это вмѣстѣ стремится заглушить мощный голосъ природы, и часто заглушаетъ, или даетъ искаженное развитіе этому чувству. Конечно, не найдется почти ни одного человѣка, который былъ бы совершенно равнодушенъ къ такъ называемымъ *красотамъ природы*, то-есть: къ прекрасному мѣстоположенію, живописному далекому виду, великолѣпному восходу или закату солнца, къ свѣтлой мѣсячной ночи; но это еще не любовь къ природѣ: это любовь къ ландшафту, декорациямъ, къ призматическимъ преломленіямъ свѣта; это могутъ любить люди самые черствые, сухіе, въ которыхъ никогда не зарождалось или совсѣмъ заглохло всякое поэтическое чувство: за то ихъ любовь этимъ и оканчивается. Приведите ихъ въ таинственную сѣнь и прохладу дремучаго лѣса, на равнину необозримой степи, покрытой тучною, высокою травою; поставьте ихъ въ тихую, жаркую лѣтнюю ночь на берегъ рѣки, сверкающей въ тишинѣ ночного мрака, или на берегъ соннаго озера, обросшаго камышами; окружите ихъ благовоніемъ цвѣтовъ и травъ, прохладнымъ дыханіемъ водъ и лѣсовъ, неумолкающими голосами ночныхъ птицъ и насекомыхъ, всею жизнію творенія: для нихъ тутъ нѣтъ красотъ природы, они не поймутъ ничего! Ихъ любовь къ природѣ внѣшняя, наглядная, они любятъ картинку, и то не надолго; смотря на нихъ, они уже думаютъ о своихъ пошлыхъ дѣлишкахъ и спѣшатъ домой въ свой грязный омутъ, въ пыльную душную атмосферу города, на свои балконы и террасы, подышать благовоніемъ загнившихъ прудовъ въ ихъ жалкихъ садахъ, или вечерними испареніями мостовой, раскаленной

дневнымъ солнцемъ... Но, Богъ съ ними! Деревня, не подмосковная, далекая деревня,—въ ней только можно чувствовать полную, неоскорбленную людьми жизнь природы. Деревня, миръ, тишина, спокойствіе! Безыскусственность жизни, простота отношеній! Туда бѣжать отъ праздности, пустоты и недостатка интересовъ; туда же бѣжать отъ неугомонной, вѣшной дѣятельности, мелочныхъ, своекорыстныхъ хлопотъ, бесплодныхъ, бесполезныхъ, хотя и добросовѣстныхъ мыслей, заботъ и попеченій! На зеленомъ, цвѣтущемъ берегу, надъ темной глубио рѣки или озера, въ тѣни кустовъ, подъ шатромъ исполинскаго осокоря, или кудрявой ольхи, тихо трепещущей своими листьями въ свѣтломъ зеркалѣ воды, на которомъ колеблются или неподвижно лежатъ наплавки ваши,—улягутся мнимыя страсти, утихнутъ мнимыя бури, разсыплются самолюбивыя мечты, разлетятся несбыточныя надежды! Природа вступить въ вѣчныя права свои, вы услышите ея голосъ, заглушенный на время суетней, хлопотней, смѣхомъ, крикомъ и всею пошлостью человѣческой рѣчи! Вмѣстѣ съ благовонымъ, свободнымъ, освѣжительнымъ воздухомъ, вдохнете вы въ себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхожденіе къ другимъ и даже къ самому себѣ. Непримѣтно, мало-помалу, разсѣется это недовольство собою, эта презрительная недовѣрчивость къ собственнымъ силамъ, твердости воли и чистотѣ помысленій—эта эпидемія нашего вѣка, эта черная немочь души, чуждая здоровой натурѣ русскаго человѣка, но заглядывающая и къ намъ за грѣхи наши...

Но я увлекся въ сторону отъ своего предмета. Я хотѣлъ сказать нѣсколько словъ въ защиту уженія и нѣсколько словъ въ объясненіе моихъ записокъ. Начнемъ сначала: обвиненіе въ праздности и лѣни совершенно несправедливо. Настоящій охотникъ необходимо долженъ быть очень бодръ и очень дѣятеленъ; раннее вставанье, часто до утренней зари, перенесеніе полдневнаго зноя или сырой и холодной погоды, неутомимое вниманіе во время самага уженія, прискиванье удобныхъ мѣстъ, для чего иногда надо много ихъ перепробовать, много исходить, много извѣздить на лодкѣ: все это вмѣстѣ не по вкусу лѣнивому человѣку. Если найдутся лѣнтяи, которые, не имѣя настоящей охоты къ уженью, а просто не зная, куда дѣваться, чѣмъ занять себя, предпочтутъ сидѣнье на берегу съ удочкой бѣганью съ ружьемъ по болотамъ, то неужели ихъ можно назвать охотниками? Чѣмъ виновато

уженье, что такіе люди къ нему прибѣгаютъ? Другое обвиненіе, будто уженье забава дѣтская и стариковская—также неосновательно: никто въ старости не дѣлался настоящимъ охотникомъ-рыболовомъ, если не былъ имъ смолоду. Конечно, дѣти почти всегда начинаютъ съ уженья, потому-что другія охоты менѣе доступны ихъ возрасту; но развѣ дѣти въ одномъ уженьѣ подражаютъ забавамъ взрослыхъ? Что же касается до того, что слабый старикъ, или больной, иногда не владѣющій ногами, можетъ удить, находя въ томъ нѣкоторую отраду бѣдному своему существованію, то въ этомъ состоитъ одно изъ важныхъ, драгоцѣнныхъ преимуществъ уженья предъ другими охотами. Остается защитить охотниковъ до уженья въ томъ, что будто оно составляетъ занятіе слабоумныхъ или, попросту сказать, дураковъ. Но, Боже мой, гдѣ же ихъ нѣтъ? За какія дѣла они не берутся? Въ какихъ умныхъ и полезныхъ предпріятіяхъ не участвуютъ? Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всѣ остальные люди, занимающіеся одними и тѣми же дѣлами съ ними, были также глупы. Противъ нелѣпости такого обвиненія можно назвать нѣсколько славныхъ, историческихъ людей, которыхъ мудрено заподозрить въ глупости, и которые были страстными охотниками *удить рыбу*. Извѣстно, что нашъ знаменитый полководецъ, Румянцевъ, преданъ былъ этой охотѣ до страсти; извѣстенъ также и его отвѣтъ, съ притворнымъ смиреніемъ сказанный, на одинъ важный дипломатическій вопросъ: *это дѣло не нашего ума; наше дѣло рыбу удить, да городки плытить*. Славный Моро, поспѣшая съ береговъ Миссисипи на помощь Европѣ, возставшей противъ своего побѣдителя, не могъ проѣхать мимо уженья трески, не посвятивъ ему нѣсколькихъ часовъ, драгоцѣнныхъ для ожидавшаго его вооруженнаго міра — такъ страстно любилъ онъ эту охоту! Людовикъ-Филиппъ, человекъ, кажется, тоже умный, все время, свободное отъ дѣлъ государственныхъ, посвящалъ удочкѣ въ своемъ прелестномъ Нелли.

Теперь объяснимся о моихъ запискахъ: на русскомъ языкѣ, сколько мнѣ извѣстно, до сихъ поръ не напечатано ни одной строчки объ рыболовствѣ вообще, или объ уженьѣ въ особенности, написанной грамотнымъ охотникомъ, знающимъ коротко свое дѣло. На французскомъ и англійскомъ языкахъ есть много полныхъ сочиненій по этой части и еще болѣе маленькихъ книжекъ собственно объ уженьѣ. Въ Лондонѣ даже существуетъ общество охотниковъ до ловли рыбы удочкой, которое

систематически преслѣдуетъ эту охоту, совершенствуя ея во всѣхъ отношеніяхъ. Нѣкоторыя сочиненія объ этомъ предметѣ у Французовъ написаны очень живо и увлекательно. Но у насъ они не переведены, а еслибъ и были переведены, то могли бы доставить болѣе удовольствія при чтеніи, чѣмъ пользы въ примѣненіи къ дѣлу. Причиною тому разность въ климатахъ, въ породахъ рыбъ и ихъ свойствахъ. Въ этомъ случаѣ добросовѣстные наблюденія рыболова-туземца, какъ бы ни были недостаточны, будутъ имѣть важное преимущество.

Все это вмѣстѣ рѣшило меня сдѣлать первый опытъ на русскомъ языкѣ. Охотниковъ до ужения много на Руси, особенно въ деревняхъ, и я увѣренъ, что найду въ нихъ сочувствіе. Прошу только помнить, читая мою книжку, что она не *Трактатъ объ уженіи*, не *Натуральная исторія рыбъ*. Моя книжка ни больше, ни меньше, какъ простыя записки страстнаго охотника: иногда поверхностныя, иногда одностороннія и всегда неполныя, относительно къ обширности обоихъ предметовъ, сейчасъ мною названныхъ *).

С. А.

1847 годъ.

*) *Примѣчаніе къ 3-му изданію.* Я печатаю книжку мою третьимъ изданіемъ. Въ теченіи шести лѣтъ, постоянно продолжая удить, съ меньшимъ увлеченіемъ и большимъ вниманіемъ, я имѣлъ возможность, для второго изданія, сдѣлать много новыхъ наблюденій и сказать пространнѣе и полнѣе о томъ, о чемъ было сказано сли комъ коротко, въ чемъ справедливо обвиняли меня нѣкоторые охотники; въ теченіи же послѣднихъ 3 лѣтъ, я почти ничего новаго прибавить не могъ.

ЗАПИСКИ

О Б Ъ

УЖЕНЬЕ РЫБЫ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УДОЧКИ.

Вѣроятно, изъ всѣхъ родовъ рыболовныхъ снастей, одна изъ первыхъ была изобрѣтена удочка. Какой-нибудь дикарь, бродя по берегамъ рѣки или моря для добыванія себѣ скудной пищи, или безпечно отдыхая подъ тѣнью крутого берега и растущихъ на немъ деревьевъ, примѣтилъ стаи рыбъ, плавающихъ около береговъ; видѣлъ, какъ голодные рыбы жадно хватаютъ, падающихъ на поверхность водъ, разныхъ насѣкомыхъ и древесные листья, и, можетъ быть, самъ бросалъ ихъ въ воду, сначала забавляясь только быстрыми движеніями рыбъ. Весьма естественно должна была родиться у него мысль, что если бы въ насѣкомыя спрятать что-нибудь, похожее на крючокъ (изъ кости, или крѣпкаго дерева) и привязать его на нитку, выдѣланную изъ звѣриныхъ жилъ, или волоконъ растений, и что если рыба схватитъ и проглотитъ такую насадку, то крючокъ зацѣпитъ, и рыбу можно будетъ вытащить на берегъ. Такъ, вѣроятно, родилась удочка; почти такова она и теперь въ деревняхъ у крестьянскихъ мальчишекъ: загнутый крючкомъ гвоздь безъ шляпки, крючокъ изъ проволоки или булавки, привязанный на нитку, съ камешкомъ, вмѣсто грузила, и палочкою сухого дерева, или камыша вмѣсто наплавка... вѣдь это почти удочка ди-

каря. Впрочемъ, даже и у насъ, въ настоящемъ своемъ развитіи, у самыхъ взыскательныхъ охотниковъ, удочка строго сохранила всѣ первоначальныя основныя свои качества.

Слово удочка—название общее. Она состоитъ изъ слѣдующихъ частей: удилица, лесы, поправка или направка, грузила, поводка и крючка. Все это рассмотримъ мы внимательно, порознь и по порядку.

УДИЛИЩЕ.

Едва ли нужно говорить, что этимъ именемъ называется длинный пруть или палочка, къ которой привязывается леса. Удилища бываютъ искусственныя и натуральныя: я рѣшительно предпочитаю послѣднія. Искусственное, складное удилище дѣлается изъ морского тростника (камыша) разной толщины, даже просто вытачивается изъ дерева, такъ что одно колѣнцо, будучи тонѣе, можетъ вкладываться въ другое, болѣе толстое; цѣлое удилище состоитъ изъ трехъ или четырехъ такихъ колѣнцевъ; всѣ они привинчиваются одно къ другому, или просто втыкаются одно въ другое; верхнее колѣнцо дѣлается изъ китоваго уса, или тонкой камышенки, съ маленькимъ проволочнымъ колечкомъ на верхнемъ концѣ для привязки лесы. Такія складныя удилища, хорошо отдѣланныя, съ набалдашникомъ и наконечникомъ, имѣютъ наружность толстой красивой палки; кто увидитъ ихъ въ первый разъ, тотъ и не узнаетъ, что это цѣлая удочка; но во 1-хъ, оно стоитъ очень не дешево; во 2-хъ, для большой рыбы оно неудобно и неблагонадежно: ибо у него гнется только верхушка, то-есть, первое колѣнцо, состоящее изъ китоваго уса или камышенки, а для вытаскиванія крупной рыбы необходимо, чтобы гибъ постепенно проходила сквозь удилище, по крайней мѣрѣ до половины его; въ 3-хъ, его надобно держать всегда въ рукахъ, или класть на что-нибудь сухое, а если станешь класть на воду, что иногда неизбежно, то оно намокнетъ, разбухнетъ и даже современемъ треснетъ; къ тому же, размокшія колѣнца, покуда не высохнутъ, не будутъ свободно вкладываться одно въ другое; въ 4-хъ, все это надо дѣлать не торопливо и аккуратно—качества, противоположныя натурѣ русскаго человѣка: всякій разъ вынимать,